

Валерий Сендеров

Неоевразийство: реальности, опасности, перспективы¹

При идеологической обработке умов огромное значение имеет терминология: фантомные понятия рождаются и набирают силу именно в языке. Это всегда так, но особенно при выработке тоталитарных идеологий: в этом случае удачный выбор терминов, слов — во многом залог победы. Однако такой выбор вовсе не прост: слова-«удачники» должны обладать набором далеко не тривиальных качеств, в частности, они должны быть практически неуязвимы для критики. Для этого фантомные понятия должны, во-первых, «почти адекватно» описывать реальность. Так, чтобы не было возможности назвать их просто вздором, а критика требовала бы содержательных и небыстрых объяснений — и оказывалась, тем самым, абсолютно неэффективной в борьбе за умы. Далее, всепобеждающие слова должно выбирать так, чтобы их критика казалась предосудительной морально, и таким образом до ревизии, даже малоэффективной, дело бы просто не доходило.

За примерами далеко не надо ходить. Советское население поголовно веровало в деление мира на социалистическую и капиталистическую части. При этом социалистический мир, что бы в нем ни происходило, был безусловно лучше капиталистического, поскольку в нем отсутствовала эксплуатация человека человеком. Опровергать это верование уже нет нужды, но заметим, что сделать это при помощи кратких и понятных всем аргументов и сегодня было бы нелегко. Но главное даже не в этом. До тех пор пока подобная вера не скомпрометирована окончательно, сохраняется нравственное табу на ее критику: «Вы что — за эксплуатацию?!»

В итоге идеология пережила все иные достижения советской власти. Строй почти уже рухнул, когда лидеры перестроечной интеллигенции в своем сборнике «Иного не дано» красноречиво отстаивали неизменный социалистический выбор нашего народа.

Неадекватности, «скосы» нетрудно различить и в сегодняшней российской «духовно-политической» терминологии. Речь ниже пойдет о евразийстве. Сколь существенны евразийские уклоны, сколь далеко они уведут нас от реальности в сторону? Какие силы их порождают и на кого ориентировано евразийство в нынешней России? И самое главное: в какой мере может оно повлиять на настоящее и будущее страны?

¹ Впервые опубликовано в «Вопросах философии». 2004. № 6. С. 22-37.

Эти вопросы будут интересовать нас больше всего. Но начнем мы не с них, а с генеалогии евразийства: именно отсюда — с попытки приписать учению неадекватно «пышную» генеалогию — и начинается обычно его фантомность.

В предшественники евразийцам часто записывают славянофилов и Константина Леонтьева. И на самый поверхностный взгляд основания для такого записывания найти можно: критика Европы, усиленные поиски самобытности — и то, и другое есть и у славянофилов, и у евразийцев. Однако по первому, «критическому» критерию протоевразийцем можно объявить и Александра Герцена, чего все-таки не происходит. Самобытность же, о которой писали славянофилы, с евразийскими поисками таковой же ничего общего не имеет.

Рассмотрим эти вопросы несколько подробнее. Предшественниками евразийства резонно считать мыслителей, предваривших, в той или иной степени, это учение в основных его моментах: отношении к Европе и отношении к Азии. Ученики немецких романтиков и почвенников, славянофилы были куда меньшими изоляционистами по отношению к общеевропейизму, нежели их учителя. Критика критике рознь. Писавшего о «стране святых чудес, Европе» Алексея Хомякова трудно считать предшественником князя Трубецкого, изначальным положением которого было: «романо-германский мир со своей культурой — наш злейший враг»².

(Заметим, отвлекаясь от собственно славянофилов, что критика Европы и ими, и Достоевским, и Леонтьевым кардинально отличается от критики евразийской. Мыслители XIX века пишут о Европе *изнутри*, как о чем-то *своем, ближнем*: даже у самого резкого из них, у Достоевского, ненавистнические пассажи соседствуют с признаниями в любви, а хомяковские слова о «стране святых чудес» он повторяет неоднократно. Тон и стиль евразийцев совсем иные: для них Европа — нечто безличное, чуждое, далекое и однородно враждебное. Отсюда и евразийская мечта отгородиться непроницаемой стеной от «европейской заразы» — тогда как и правительственное, и общественно-консервативное мышление позапрошлого века рассматривало Россию как форпост дворянско-монархической *Европы* на пути заразы революционной. Налицо принципиальное изменение отношения к Европе; к этому вопросу мы вернемся ниже.)

Но есть ли что-либо общее в том, что славянофилы, с одной стороны, и евразийцы, с другой, считали своим позитивом? В активе славянофилов — поиски русской самобытности, в частности, песен, былин, сказок. При любом отношении к славянофильским трактовкам найденного реальность самих находок, составивших, для примера, толстый сборник Киреевского, вряд ли кто-либо будет отрицать. В активе евразийцев — поиски «общеевразийской» (то есть совсем иной!) самобытности. К конкретным открытиям этот поиск привел лишь в области идеологической — и «открытия» эти были беспощадно высмеяны профессиональными историками в ходе эмигрантских дискуссий.

² Трубецкой Н.С. Русская проблема // На путях. Утверждение евразийцев. Т. II. Москва-Берлин, 1922. С. 314.

Наконец, об отношении к Азии. Специальной разработки «русско-азиатской» темы у славянофилов нет, и представить себе такую разработку довольно трудно. («Представим себе, что современный евразиец приходит к Аксакову и радуется его родством с прадедушкой Чингисханом! Я думаю, что это не обошлось бы без некоторых неприятных последствий»³, — говорил по этому поводу в своих лекциях А.А.Кизеветтер.) Их отношение к «миссии» татарщины в истории Руси было таким же, как и у всех русских людей. Когда в последней трети XIX века отношение к Европе в России стало меняться (к этому ключевому периоду мы вернемся ниже), о носителе новых тенденций, «первом национальном русском монархе» Александре III поздние славянофилы писали так: «подобно Иоанну III, свергшему татарское иго, сверг он иго неметчины, иго западно-европейское». Этот вполне уже антиевропейский комплимент считать протоевразийским все-таки затруднительно.

Но перейдем к «разочарованному европейцу» Константину Леонтьеву. Критика этим поклонником рыцарства, католицизма и западного раннего средневековья эгалитарной буржуазной современности, как и славянофильская, не имеет ничего общего с евразийским антиевропеизмом. И в позитивных леонтьевских воззрениях с евразийством общности не больше. К славянской самобытности этот одинокий мыслитель относился иронически, Россия для него — осколок Византии. «Византизм лег в основу нашей великорусской государственности, вразумил, и согрел, и (да простят мне это охотничье, псарское выражение) высворил нас крепко и умно»⁴, — с обычной своей шокирующей ясностью писал Леонтьев. «Византийские идеи и чувства сплотили в одно тело полудикую Русь. Византизм дал нам силу перенести татарский погром и долгое данничество. Византийский образ Спаса осенял на великокняжеском знамени верующие войска Димитрия на том бранном поле, где мы впервые показали татарам, что Русь Московская уже не прежняя раздробленная, растерзанная Русь!»⁵ Как видим, опять то же: естественное отношение к татарскому погрому и долгому данничеству, в корне противоположное последующим «открытиям» евразийства.

Константин Леонтьев, подобно евразийцам, любил Восток. Но Восток Леонтьева — это персидская роскошь, пестрота многоголосых базаров, неспешная беседа с читающим Гоголя по-французски турецким пашой... Словом, та «цветущая сложность», которая как раз и рождается при столкновении и взаимовлиянии различных восточных и западных культур. Восток же евразийцев — степная однородность, упрощенность и воспетая ими «неподвижность» «туранского элемента в культуре». Опять напрашивается обычный вопрос: что общего?

³ Кизеветтер А.А. Славянофильство и евразийство. 20 января 1928 г. Цит. по сборнику: Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992. С. 19-25.

⁴ Цит. по: К.Леонтьев. Цветущая сложность. Избранные статьи. М.: Молодая Гвардия, 1992. С. 15.

⁵ К.Леонтьев. Византизм и славянство // Восток, Россия и Славянство. М.: Республика, 1996. С. 104.

К протоевразийцам подчас причисляют и Достоевского, из-за известных его призывов «в Азию! В Азию!» Но это уж совсем курьез. Европа на нас смотрит как на азиатов, а в Азии — мы европейцы, — так аргументировал свои призывы Достоевский, очевидным образом подразумевая при этом, что быть и считаться европейцем, пусть хоть в Азии, — несомненное благо. К самой же Азии Достоевский относился как завоеватель. «Пронесется гул по всей Азии, до самых отдаленных пределов ее. Пусть в этих миллионах народов, до самой Индии, даже и в Индии, пожалуй, растет убеждение в непобедимости Белого Царя и в несокрушимости меча его... Имя Белого Царя должно стоять превыше ханов и эмиров, превыше Индийской императрицы, превыше даже самого калифова имени»⁶. Когда же Достоевский хотел покрепче заклеить «западное еретичество», он сравнивал его с «мусульманским варварством» — подобно тому как поздние славянофилы ставили подчас в один ряд «немецину» и «татарщину».

Предтечи у евразийцев в позапрошлом веке все же были, здесь нужно было бы называть имена В.И.Ламанского, Н.Я.Данилевского, Н.Н.Страхова — звучащие для читателя по-другому, чем Достоевский, Леонтьев или Хомяков. Однако из мыслителей, которые действительно с весомыми основаниями могут быть названы предшественниками евразийства, апологеты этого учения чаще всего называют лишь одного, Николая Данилевского.

Изобретенная Данилевским «славянская православная цивилизация» может показаться вариацией славянофильских представлений. Однако неоевразийцы правы, рассматривая агрессивные изоляционистские воззрения автора «России и Европы» как предвестие собственных построений. Эта книга вышла в свет в 1869 году, символически ознаменовав собой начало последней трети века — того периода, когда отношение к Европе начало в России заметно меняться. Однако существенного впечатления на общество «Россия и Европа» не произвела: даже старшие славянофилы, формально близкие по некоторым своим позициям к Данилевскому, почти не упоминают о ней. Впрочем, горячим поклонником и пропагандистом книги был Н.Н.Страхов.

Всплеск интереса к книге приходится на конец 80-х годов: через два десятилетия после выхода «России и Европы», в 1888 году, Владимир Соловьев опубликовал в «Вестнике Европы» одноименную полемическую статью. Это вызвало оживленные отклики, в частности, в двенадцати номерах «Гражданина» печаталась большая статья Константина Леонтьева «Владимир Соловьев против Данилевского». Но интерес к книге был недолгим.

Попытки рассматривать евразийство как течение, находящееся в магистральном русле русского консервативного мышления, представляются полностью несостоятельными. И причины этого очевидны: классическое консервативное мышление в России было в первую очередь христианским. Христианские же ценности вот уже много столетий совпадают с ценностями общеевропейскими.

⁶ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. Цит. по: Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского. СПб.: Издание А.Ф.Маркса. Т. X. Ч. 1. 1895. С. 539.

И этот фундаментальный факт не отменяется различиями, пусть подчас и серьезными, ценностных систем Западной и Восточной «Европ». Данилевский же и Страхов были прежде всего государственниками, этакристами — и, таким образом, уже и сами находились вне магистрального течения консервативной отечественной мысли.

Эту ситуацию четко охарактеризовал известный американский историк Н.В.Рязановский. О вечном идейном «треугольнике» — Россия, Азия, Европа — он написал так.

«В Древней Руси Азия означала иностранных завоевателей, степняков, с которыми ассоциировались враждебные чувства и страх. Петровская Россия полностью разделяла европейское отношение к Азии с позиции превосходства и имперского владения (...) 'Конфликт с Западом', который так или иначе постулировали и славянофилы, и представители официальной народности, и Леонтьев, является существенно братским конфликтом, поскольку самоопределение в понятиях 'православия', 'византийской традиции', 'русского народа', 'славянофильства' с необходимостью устанавливает связь с христианским миром, с европейскими народами. Даже та русская интеллигенция, которая формулировала фундаментальное противостояние русских и западных принципов (...) сохраняла полностью 'европейское' отношение к Азии. 'Антизападная' традиция оставалась совершенно западной по отношению к Азии».⁷

К XX веку, однако, этот идейный треугольник (Россия-Европа-Азия) стал деформироваться, как позже выяснилось — необратимо. Ненависть к Европе крепла параллельно ненависти к европейской русской государственности, подпитывая и поддерживая ее. К примеру, охота на воплощение русской Европы, на Александра II, носила патологический, извращенно-религиозный характер, никакими рациональными мотивами бешеный эмоциональный порыв охотников объяснить нельзя. Бомбой Гриневецкого Империя была убита, в последние два царствования возобладали другие, уже не имперские идеалы: Русского царства, русскости вообще. И против персонифицировавшего эти идеалы Александра III мы не найдем уже и сотой доли вчерашнего остервенения и накала. Лакмусом поворота сознания, как всегда, оказалась литература. Еще вчера славянофилы, почвенники писали о «стране святых чудес, Европе». В каком дурном сне можно было вообразить тогда сгустки бешеной «скифской» злобы — выплеснувшейся теперь в творчестве утонченного, европейски-рафинированного Блока? А рядом были Брюсов, Белый, «крестьянские поэты»... Трудно себе и представить более крутой поворот.

Вал духовной азиатчины обрушился на Россию. Но в Москве он оказался замуфлированным марксистской фразеологией (хотя, заметим, никуда не исчез, никакими классовыми соображениями не объяснишь сладострастные видения вы-

⁷ Riasanovsky N. *Asia Through Russian Eyes // Russia and Asia. Essays on the Influence of Russia on the Asia Peoples.* Stanford, 1972. Цит. по: Начала. 1992. № 4. С. 101.

топтанной Европы, сожженного Парижа — от буденновских песен до Эренбурга и Бруно Ясенского).

В эмиграции, однако, революционно-азиатская идеология марксизмом затуманена не была.

«Россия нашего времени вершит судьбы Европы и Азии. Она —шестая часть света, Евразия, узел и начало новой мировой культуры. Россия представляет собою особый мир. Судьбы этого мира в основном и важнейшем протекают отдельно от судьбы стран к западу от нее (Европа), а также к югу и востоку от нее (Азия)»⁸.

Вот наконец-то особая русская цивилизация и родилась, и заговорила — из основного программного документа евразийцев «Евразийство (Формулировка 1927 г.)». Заговорила не вполне по-русски, но главное ясно: мы есть узел и начало, которые протекают отдельно от всех. У евразийцев мы найдем все без исключения идеи их последователей. Посмотрим поэтому подробнее на это явление 20-х годов прошлого века, все время имея в виду при этом и наш сегодняшний день.

Евразийство имело шумный успех. Скандальный и эфемерный, но все-таки: через это движение прошли многие, чья явная несовместимость с барабанной безвкусицей «евпартийной» идеологии, вроде бы, очевидна. Евразийству сочувствовали и примыкали к нему не благодаря, а вопреки его удручающе плоской поверхности. Видимо, были для этого глубокие, по-настоящему серьезные причины — какие же? Ответ очень прост. Евразийство цементировалось именно тем, что его основатели и лидеры и сами объявляли в нем главным.

«Мы должны привыкнуть к мысли, что романо-германский мир со своей культурой — наш злейший враг».

На дворе 1922 год, а у князя Трубецкого, как видим, прозрение: он понял, кто именно — злейший враг России.

Именно большевистская революция «открыла возможности освобождения России-Евразии из-под гнета европейской культуры». — Это уже коллективное творчество: главный евразийский документ, мы цитировали его выше.

Заветнейшее стремление евразийства — «выход России из рамок современной европейской культуры». А это Савицкий, будущий наставник Льва Гумилева, а тем самым и сегодняшних его последователей⁹.

Наивно было бы думать, что настроения в эмиграции сильно отличались от настроений в России десятком лет ранее: бесовщина продолжала бушевать в душах. И когда она нашла внешне отличные от отвергнутых большевистских формы, эти формы были с готовностью приняты многими.

Для антиевропеизма хватало, впрочем, и реальных, ненадуманых причин. Предательство «союзниками» Белого движения, унижения Галлиполи — все это

⁸ Евразийство: Формулировка 1927 г. Париж, 1927. Цит. по: Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993. С. 217.

⁹ Савицкий П.Н. Два мира // На путях. Утверждение евразийцев. Т. II. Москва-Берлин, 1922. С. 9.

трудно было забыть и простить. И вот как ответная реакция возникают невинные, на первый взгляд, рассуждения. Слегка перепишем историю. Присвоим себе полную и абсолютную самобытность — что же в этом дурного? Поговорим о нашей уникальной «континентальной» экономике — в противовес «атлантической». В очередной раз проклянем треклятую католицкую угрозу (это тоже евразийская идея, сборник «Россия и латинство», 1923 г.). Путь от этих невинных развлечений к полному краху движения оказался не очень долг — несколько лет.

В евразийстве поражает его советскость: стиль и менталитет документов и статей в точности те же, что и советских передовиц. И это может показаться странным. Одно дело блуждать между Востоком и Западом в «блоковском» тумане, а несколько другое — усвоить кондовые «правдинские» язык и манеры. Откуда это было и зачем?

Причин много. Здесь и прямая помощь Лубянки, активно участвовавшей, через агентов Лангового и Эфрона, в евразийской идеологической борьбе. Здесь и откровенная советскость многих, того же Савицкого, он уже в 1921 году четко и ясно объявил себя национал-большевиком (в письмах к Струве). Но главная причина лежит глубже.

Новый советский человек выработан, уже и навсегда, он — непреодолимая историческая реальность. А коммунистические лозунги преходящи, они скоро опадут. И тогда мы обратимся к советскому человеку на его языке, он поймет нас, мы возьмем власть...

Такова была основная установка «евпартии». И вот князь Трубецкой писал статьи для молодых комсомольцев, передавал их в подсоветскую Россию (далее Лубянки они, естественно, не уходили). И стыдился, когда эти поделки попадали все-таки к эмигрантскому читателю...

Но нас интересуют не эти грустно-забавные эпизоды, а суть. Евразийцы оказались абсолютно правы: в сроках они ошиблись, а все остальное идет по их рецептам. Красные лозунги опали даже там, где еще уцелели красные слова: и в книгах лидера КПРФ от Гумилева в десять раз больше, чем от Ульянова. И вот советский человек с готовностью принимает рассчитанные именно на него идеи и лозунги. Когда марксистская профессура переквалифицируется в трубадуры «славянского православия» — это вопрос не ее моральных качеств, это более интересный для нас вопрос: староновой идеологии этих людей. Когда, например, «Наш современник» делает открытие, что большевистский коллективизм таил под собою подлинную соборность, — это не только смешно, это еще и чистая правда: воспеваемая ими сегодня «соборность» — это и есть вполне большевистский по духу коллективизм.

Тексты сегодняшних евразийцев — калька эмигрантских. Но давайте рассмотрим все-таки те моменты, которые могут показаться различными — и даже весьма.

Эмиграция — удобное место для абстрактных, умозрительных построений. А когда они позже воспроизводятся на Родине, то приходится считаться с ее реалиями. Культивируя татарщину, «чингизхамство»¹⁰, евразийцы не могли решительно поставить в своих построениях православие на первое место. Сегодня положение другое, хотя их последователи и продолжают рассуждать об исторической благодетельности для России «запаха конского пота и кизяка»¹¹. Идет ли речь лишь о тактике, о смене вывески (приходится, увы, такие выражения употреблять)? Или в сегодняшней «русской цивилизации» православие действительно заняло иное место, нежели в евразийстве?

«Язычество есть потенциальное Православие (...) Не будучи сознательно-упорным отречением от Православия, язычество скорее и легче поддается призывам Православия, чем западно-христианский мир (...) Будущее и возможное православие нашего язычества нам роднее и ближе, чем христианское инославие»¹².

Кажется, перед нами то, что обычно вежливо именуют христианским фундаментализмом. Хотя христианским ли, ясно не совсем. Да и речь идет, по сути, вовсе не о религии: родными и близкими объявлены *наши* язычники. А не какие-нибудь вообще.

Это писалось в 1926 году («Евразийство. Опыт систематического изложения»). «Формулировка 1927 г.» (обратимся к ней еще раз) была объявлена как краткое изложение предыдущего манифеста, о каком-либо пересмотре не было и речи. И в этом «кратком изложении» о Православии нет уже ни слова. Язык уже совсем иной: говорится о «бытовом исповедничестве», о «проникновении религии в быт, одухотворении и упорядочении быта обрядом». Евразийцы помнят, разумеется, что «только вера может служить основой социальных отношений».

Эту помесь национально-религиозного прагматизма с агрессивным фундаментализмом Сергей Булгаков назвал православизмом. «Практически утверждается язычество в смысле сотворения себе [национального — В.С.] кумира и служения ему (...) духовная элементаризация и оскудение того духа свободы, без которого Православие неизбежно переходит в православизм», — писал отец Сергей в 1924 году¹³.

Вряд ли имеет смысл подчеркивать, что православизм унаследован теми кругами, о которых мы сейчас говорим. И даже очевидные перемены в мире ничему не учат.

«Александр Невский первым из русских политиков столкнулся с жесткой альтернативой: Запад или Восток. Запад не просто грабит, Запад в лице папы и душу требует. А Восток готов ограничиться данью, на душу не претендует, веротер-

¹⁰ Термин И.А.Ильина.

¹¹ Ильин И.А. Самобытность или оригинальничанье? // Начала. 1992. № 4. С. 61.

¹² Евразийство: Опыт систематического изложения. Париж, 1926. С. 19, 21.

¹³ Булгаков С. Письмо А.В.Ставровскому // Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. Москва, 1992.

пим». Это уже не евразийцы, это очередная сегодняшняя калька с них. Газета «Русское слово». Наши дни...

В чем же специфика сегодняшнего евразийства? Чем оно отличается от течения 20-30-х годов?

Евразийство прошлого было явлением, если можно так выразиться, типологически однородным: два-три десятка публицистов печатали статьи в немногочисленных, как правило, евразийских же, изданиях. Собственно, никакой более широкой литературной жизни в эмиграции не существовало, да и не могло существовать. Сегодня положение принципиально иное. «Стержневая» ветвь евразийства — несколько кабинетных ученых и публицистов, пишущих статьи в толстые журналы, — типологически не отличается от явления 20-30-х годов. Да и сами теории особых изменений не претерпели. Но появились еще две ветви, заметно влияющие на общественную и идеологическую жизнь страны. Одна из них (условно назовем ее «правой») — это Александр Дугин и его немногочисленные приверженцы. При теоретическом рассмотрении евразийства этими фигурами можно пренебречь: их оригинальность состоит лишь в крайней, вплоть до невольного пародирования, вульгаризации основных идей направления. Однако именно благодаря вульгаризации, а также своей постоянной повышенной активности Дугин сделался в глазах широкой публики олицетворением евразийства. («Евразийство? Это вы о Дугине?» — такова реакция в самых различных кругах.) Уже много лет группа ведет широкую издательскую деятельность — от периодических журналов до многостраничных «научных» монографий и учебников по евразийству, эти учебники реально достигают университетской аудитории. К деятельности Дугина мы вернемся ниже.

Фактическому отождествлению неоевразийства с Дугиным отдают дань и серьезные исследователи. Между тем наиболее влиятельным является «левое», «академическое» крыло — если иметь под таковым ввиду странную смесь пристрастного изучения евразийства с его завуалированной под объективность упорной пропагандой. Судить о причинах этого явления, лежащих, как представляется, в области психологии, мы не компетентны. Однако явление существует уже много лет, оно весьма масштабно и значимо. Нам не раз уже приходилось его касаться¹⁴. Рассмотрим его сейчас более пристально.

При рассмотрении авторами этого крыла классического евразийства маргинальное направление эмигрантской мысли становится основным. Происходит это столь давно, что сегодня поздно уже с этим и спорить: сами слова о том, что евразийский король — голый, звучат для сегодняшнего российского сознания пристрастно и необъективно. Между тем именно так и считали блестящие умы, критиковавшие евразийство в эмиграции. Критики евразийства титуловали его

¹⁴ Евразийство: за и против, вчера и сегодня (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1995. № 6. С. 3-48; Senderov V. Das Eurasiertum — ein Mythos des 21. Jahrhunderts? // Das Christentum und die totalitären Herausforderungen des 20. Jahrhunderts / Ed. L. Luks. Köln: Böhlau Verlag, 2002. S.115-131.

попросту «геополитической мистикой» и «географическим фатализмом». Или еще проще: «евразобольшевизмом», «православизмом», «чингисхамством», советуя при этом поклонникам Чингисхана познакомиться с ним лично. В лучшем же случае соединяли, как Бердяев, уничтожающую критику самого направления с похвалой евразийской молодежи за добрые намерения. Но ни малейших упоминаний об этом в рассматриваемой нами литературе мы не найдем, все наоборот: она упорно формирует мнение о серьезной дискуссии лучших умов эмиграции вокруг серьезного философского явления. И цель достигнута: в сегодняшней России труды Савицкого и Трубецкого известны гораздо лучше, чем, скажем, Хомякова, Чаадаева, Леонтьева или Соловьева, а все эти имена поставлены в общественном сознании в один мыслительный ряд. Вряд ли когда-либо ранее такое положение могло кому-либо прийти в голову.

Но еще существеннее метаморфоза, постигшая уже не евразийские имена, а сами основные тезисы учения. Как оказалось, они сполна обладают качествами тех слов-«удачников», с разговора о которых мы начали настоящую статью. Под пером многих исследователей-пропагандистов евразийство разбилось на ряд внешне безобидных тезисов, каждый из которых представляется столь же бесспорным, как тезис о недопустимости эксплуатации человека человеком. Но путем горького эксперимента опыт оценки советского марксизма выработался и у тех, кто не имеет ясных логических возражений на подобные тезисы. Опыта же экспериментальной оценки евразийства у россиян пока нет. Поэтому «объективные» проевразийские тексты отторжения обычно не вызывают, они рассматриваются читателем как правильные общие слова. Ясно, что внедрение евразийства в умы посредством подобных «общих слов» значительно эффективнее, чем энергичный дугинский путь.

Для того чтобы проиллюстрировать все анонсированное выше конкретными примерами, нам необходимо прежде вернуться к не претерпевшему значительной эволюции евразийскому теоретизированию. Возвращаясь к «кабинетному», «стержневому» евразийству, отметим его высокий удельный вес в сегодняшнем национал-патриотическом мышлении. На рубеже веков, в 1999 году, издательством журнала «Москва» был издан программный сборник «Русский узел»¹⁵. Большая часть авторов этого сборника предается «неоевразийским играм», увлекшись совершенно «ложной, мистически взвинченной идеей вечного противостояния «Океана», «атлантизма» (в Новой истории — США и Англия) и «Континента», «евразийства». В этой оценке Ксения Мяло оказалась в сборнике одинока. (Подробный анализ этого сборника см. в статье¹⁶.)

Как и в эмигрантский период, список ведущих евразийских теоретиков невелик. Однако эти авторы, как и тогда, чрезвычайно активны. Посмотрим на евразийскую периодику: даже если мысленно отбросить достаточно экзотические дугинские издания, остается евразийский, по самоопределению, еженедельник

¹⁵ «Русский узел»: идеи и прогнозы журнала «Москва». 1999.

¹⁶ Гальцева Р.А. Тяжба о России. На рубеже столетий // Новый мир. 2002. № 7. С. 133-147.

«Завтра»; остаются евразийские по кругу авторов-публицистов журналы «Наш Современник» и «Москва». Добавим к этому многочисленные интернетные издания, обратив внимание на представительность в них университетской профессуры различных городов России. Хотя влияние каждого из таких изданий в отдельности явно невелико, но их суммарный эффект было бы неверно не учитывать.

Для сравнения: у православного национализма, ориентированного на классическое (в основном позднее) славянофильство, подобного идейного и пропагандистского аппарата нет и близко.

Каковы идеи сегодняшнего евразийства? Как мы уже отмечали, они не новы. В качестве курьеза (но как мы увидим, не только) отметим, что даже призывы «выработать идею для России» — те же, что и 80 лет назад.

России необходимо «разработать альтернативную (Западу, вестимо — В. С.) идею»¹⁷, — возглашают теоретики. Что ж, это вполне традиционно. В точности этими же словами не раз формулировал Пётр Савицкий основную евразийскую мысль. «Необходима новая идеология и необходима, как носительница ее, новая партия, не менее одушевленная и сплоченная, чем первые большевики», — так писали евразийцы и в своём программном манифесте («Евразийство. Опыт систематического изложения»). Время движется, с тех пор прошёл почти уже век.

Цельное, и даже ясно сформулированное, учение рационально выражаемой идеи может и не иметь, так не раз бывало в истории. Более того: само требование такой идеи — сомнительное достижение постпросвещенческих веков, почвеннические и псевдопочвеннические идеологии менее всего пытались обычно «выработать» свою основную идею. Чем же объяснить вечный «рационалистический комплекс» евразийства? «Идею мне, идею!» — вечные эти жалобные заклинания его?

Объяснение напрашивается. Евразийство, с момента своего зарождения и до наших дней, — спутник и собрат большевистской идеологии. Оно родилось и мужало как вариация большевизма, черпавшая свою (в то время ещё мнимую) конкурентную силу в ментальной близости к своему «врагу». Большевизм же, с начала и до конца, был единственной тоталитарно-рационалистической идеологией прошлого века. Пытаясь играть на поле противника, евразийство обречено было и на приятие правил его, в том числе — правил рационалистического мышления.

Сходная ситуация и нынче: неуверенность в себе вчерашних апологетов советского марксизма объяснить легко. Как уж там у них было с полнокровной идеей — дело тёмное, а вот всеобъясняющим скелетом советское мышление прежде обладало сполна; как же не жаждать того же самого и в наши дни?

Впрочем, идею поиска идеи не обязательно следует понимать буквально — дело, быть может, не столько в самой идее, сколько в перманентной тоске по ней. В агрессивной тоске по законченности и ясности, примитивности и простоте — основном ощущении ностальгического постсоветского менталитета.

¹⁷ «Русский узел»: идеи и прогнозы журнала «Москва». 1999. С. 4, 12, 13, 14.

Есть однако у нескончаемой евразийской охоты за идеей и еще одна заслуживающая внимания сторона. За 80 лет существования направления теории худо-бедно сконструировали бы столь чаемую ими «идею-правительницу», если бы сами почитали это занятие важнейшим. Но нет, они постоянно подчеркивают другое: их учение — выражение ментальной, «нутряной» сущности многомиллионных масс «России — Евразии — СССР». А коли так, то самое главное — эту самую сущность холить, лелеять и взращивать, об идее же хоть и мыслить, но как бы «вполголовы», прислушиваясь главным образом к сокровенным зовам народных глубин.

Обо всем этом евразийцы пишут не уставая. И когда они претендуют на адекватное выражение и отражение постсоветского мироощущения — им и карты в руки. Смущают лишь некоторые перекосы в их рассуждениях. На первый взгляд, незначительные, в осторожных трудах «академического» неоевразийства они и вовсе малозаметны.

«Какие интеграционные идеи были в нашей истории? Эффективными оказывались только те из них, которые были привязаны к конкретному социально-историческому контексту и к конкретному отрезку времени. Так, в дореволюционный период объединительной выступала идея русской государственности. В советский — объединяющим фактором в Евразии-СССР был идеологический: осуществление идеи диктатуры пролетариата всех народов Советского Союза. Интеграционную идею для будущего, как нам представляется, можно построить на современной евразийской идее»¹⁸.

Объединяющее значение идеи русской государственности остается, таким образом, в далеком прошлом. Несколько ближе к нам по времени другая, равновеликая поименованной, идея: «диктатуры пролетариата всех народов Советского Союза». А сегодня время евразийской концепции — что ж, если подчеркивать постсоветский характер нашего духовного пространства (а так евразийцы часто и поступают), это может и не вызвать сомнений. Но читаем дальше.

«Евразия, представляющая собой особую географическую, этническую, культурно-историческую целостность, может быть классифицирована как культурно-историческая система, или цивилизация. Евразийская цивилизация — одна из культурно-исторических систем, сложившихся в ходе более чем тысячелетнего опыта взаимодействия народов, населяющих 'срединный континент'»¹⁹.

Как видим, постсоветская евразийская идентичность, которую нам только что советовали культивировать «взамен утраченной советской», оказывается по совместительству еще и тысячелетней. Прочее же упоминавшееся выше — и Российское государство, и советский период — тем самым, по смыслу, является лишь производным, вторичным выражением извечной евразийской сущности. Что ж, коли так, то к «современной евразийской концепции» надо присмотреться

¹⁸ Орлова И.Б. Контуры современной евразийской концепции. <http://www.ispr.ru/CONFER/confer9-1.html>.

¹⁹ Орлова И.Б. Там же.

внимательнее. Нам, оказывается, предлагают не только субстрат постсоветского взгляда на мир. А, кроме того, теоретикам удалось выделить инвариантные, вечно присущие нашей стране и нашему народу черты.

Какие же это черты? О них наши авторитеты сообщают по-разному. Если прислушаться к Дугину, то все станет ясным: объединить Евразию можно лишь на основе ненависти к сегодняшнему символу Запада — Америке и американцам. Мы однако выслушиваем мнение академического евразийства:

«Прокламируемый в России отказ от собственной идеологии на деле лишь способствует насаждению идеологии западной, точнее американоцентристской, внедряемой под 'крышей' идеи глобализации, якобы происходящего движения всех стран и народов к единой унифицированной цивилизации, к единым стандартам и ориентирам развития, скопированным с западных обществ.

<...> Хотя евразийство — достаточно сложная концепция, ее суть можно свести к очень простым и понятным любому человеку положениям. Это — многополярность мира и антизападноцентризм; уникальность Евразии как особой цивилизации...»²⁰

То, что давно уже именуется европоцентризмом, безусловно, дурно — по общеизвестным сегодня причинам, прочесть о них можно хотя бы у европейца Шпенглера (тем самым причинам, по которым и евразоцентризм несколько не лучше). Насаждение чужой идеологии тоже дело нехорошее. И если американоцентристы заявят нам, что мы обязаны стать американцами добровольно, пока не поздно, а в противном случае мы превратимся в американских рабов — что мы ответим им на это?

Отвечать однако не приходится: американоцентристы помалкивают. За них такие вещи заявляют восточные фанатики — с заменой, разумеется, американизации на исламизацию. И заявляют они это на страницах евразийского еженедельника «Завтра».

Респектабельные евразийцы не ответственны, разумеется, за навязчивые идеи Джемала и ему подобных. Но они вполне ответственны за свое молчание по поводу этих идей. Вряд ли они эти идеи разделяют, едины они с исламизаторами в другом: главный, а по сути единственный враг — на Западе, особенно в США. А в такой ситуации самый фанатичный исламист если и не друг, то как минимум союзник в великой борьбе.

Но продолжим анализ невинного, «округлого» академического текста. Что такое «единые стандарты и ориентиры развития, скопированные с западных обществ»? Вряд ли под ориентирами подразумеваются жевание резинки и питье кока-колы, скорее — права человека, либерализм, демократия и прочие «так называемые» общечеловеческие ценности. Большинство евразийцев об этом ясно и откровенно пишут, в академических же текстах такие вещи приходится подразумевать. Впрочем, подразумевать достаточно ясным образом.

²⁰ Орлова И.Б. Там же.

«Суть современной евразийской концепции можно свести к нескольким взаимосвязанным тезисам:

оценка исторического процесса как мультилинейного <...>

восприятие Евразии как особой географической, социально-исторической и социально-культурной целостности, как уникальной Евразийской цивилизации;

подтверждение объективной предрасположенности евразийских народов к различным формам интеграции;

признание единственно перспективным для Евразии самостоятельного, неподражательного развития, опирающегося на национально-культурные традиции, ценности и опыт многовекового взаимодействия евразийских народов, дополненные технической и технологической модернизацией. Модернизация без вестернизации (или то, что Н.Я.Данилевский выразил формулой: 'своя идеология, неважно чьи техника и технология');

синтез национальной идентичности каждого отдельного народа Евразии с общеевразийской идентичностью».²¹

Итак. Мы («Евразия») — уникальны, особы, предрасположены к интеграции и взаимодействию. Это повторяется и повторяется, без устали. Они («Запад») — всегда фигурируют в нашей истории только и исключительно в виде ложных ориентиров и «центризмов», враждебных и чуждых наносных идеологий. Заканчивается же объективистская статья так.

«Для России и других евразийских государств сегодня еще сохраняется альтернатива: реинтеграция в рамках евразийской цивилизации, а значит, обретение силы, возвращение на прерванный собственный путь социально-исторического развития, или же рассредоточение, распыление, превращение, по выражению И.Ильина, в 'исторический навоз', в дополнительный ресурс для других, более активных цивилизаций».²²

Набор правильных общих мест подводит, таким образом, читателя к вполне однозначным выводам: вряд ли он затруднится ответом на вопрос, кто именно «разлагает духовный остов нашей евразийской культурно-исторической системы»²³, а также стремится превратить нас в исторический навоз. Инвариант развития России и мироощущения русского евразийского народа, как видим, найден: европоненавистничество и дремучая ксенофобия. Они сопровождали всю нашу тысячелетнюю историю, включая сюда Киевскую Русь, а также начатый Петром имперский период.

Все выводы те же, что и 80 лет назад. Между тем обстоятельства наших дней дали уникальную возможность проверить некоторые ключевые положения евразийства на практике. «Мы, русские, долго любили Европу, она же всегда отвечала нам недоверием и враждой. Не лучше ли повернуться лицом к Востоку? Потому что наши отношения с Востоком всегда...» И дальше следовала и всегда сле-

²¹ Орлова И.Б. Там же.

²² Орлова И.Б. Там же.

²³ Орлова И.Б. Там же.

дует серия подобранных исторических аргументов — свидетельств взаимопроникновения, взаимовлияния России и Востока...

Но сейчас нет нужды вспоминать о далеком прошлом. Современный диалог уже состоялся: на рассуждения европейско-христианских по самосознанию авторов ответили на газетно-журнальных страницах видные исламские общественные деятели России. Смысл их высказываний тот же, что и откровений Джемаль (кстати, тоже не последнего лица в российском исламском мире: Гейдар Джемаль — председатель Исламского комитета России). Логика выступавших исламских деятелей проста, она основывается на одном базовом тезисе: ислам и «плюралистическая» Европа — непримиримые враги. А когда «фундаментальный вопрос (исламской — В.С.) философии становится основным вопросом политики»²⁴, — о какой же «Евр-Азии» при этих условиях может идти речь?

«Все это мало напоминает диалог, но, скорее, войну за толкование веры,»²⁵ — делает вывод анализирувавший на страницах «Вопросов философии» первые шаги диалога Ассен Игнатов. «Евразийские призывы как таковые не находят никакого отклика в исламских кругах. В отличие от евразийцев исламские идеологи хотят вообще отказаться от европейской компоненты в когда-то целостном политическом и идеологическом комплексе,»²⁶ — пишет он.

Подчеркнем еще раз: участники диалога — инкорпорированные в российскую политическую культуру публичные деятели, владеющие наукой гладко выражаться. Но тотальное противостояние «западному большому демону» — главный и единственный смысл их позиции. И смягчить этот смысл, не отказываясь от самой позиции, нельзя.

Заметим, впрочем, что позиция исламистов не включает в себя столь же тотального противостояния христианству: фундаменталистское, антикумуническое (при любом понимании термина «экуменизм») православие вписывается в их картину мира. Так что ценой своей полной духовной исламизации «Россия-Евразия» сумеет, пожалуй, сохранить и христианскую веру (во всяком случае, теоретически). Для евразийцев-фундаменталистов вопрос о цене не стоит, такой исход вполне устраивает их прежде всего идейно. Труднее понять умеренных авторов проевразийской направленности, благостно призывающих к конвергенции с Востоком, однако не подразумевающих при этом сопутствующего краха сегодняшних, европейских по существу своему, российских мировоззренческих основ. Неужто не стоит поинтересоваться и мнением завтрашних собратьев?

Но пойдём далее. Существенной частью евразийства были его исторические экскурсии в прошлое России. Сегодня — то же; сама историческая аргументация евразийцев также не изменилась: татаро-монгольское иго — благо, Орда и Русь — одно и то же. «Для русских князей союз с монгольскими правителями был

²⁴ Дунаев С. Мусульманин — в этом мире странник // Независимая газета. 1991. 5 ноября.

²⁵ Игнатов А. «Евразийство» и поиск новой русской культурной идентичности // Вопросы философии. 1995. № 6. С. 62.

²⁶ Игнатов А. Там же. С. 62.

единственным средством хоть как-то совладать с бесконечными внутренними распрями <...> Границы России в начале XX века почти совпали с границами Монгольской Империи шестью столетиями раньше.»²⁷ Почти. Да не совсем: Российская Империя почему-то упорно не желала включать в свой состав полностью зависимые от неё эмираты Средней Азии. А наместники Чингисхана раздирали его владения на куски ничуть не хуже, чем русские любители усобиц — территорию Руси... Но дело не только в натяжках и слабостях исторического обоснования евразийства — они сразу заметны, и именно на них и обращали обычно внимание А.А.Кизеветтер, П.М.Бицилли, И.А.Ильин и другие критики направления. Дело прежде всего в коренном методологическом пороке исторического подхода евразийцев.

Монгольское вторжение было бедствием уже потому, что культура завоевателей была неизмеримо ниже культуры завоёванных. Тесно связанная и с Западом, и с Византией, Русь ко времени нашествия была уже одной из культурнейших стран христианского мира. Храмостроительство и иконопись к XII веку достигли уже у нас византийского уровня; грамотность была широко распространена даже среди крестьянского населения; при Ярославе в Киеве работал целый кружок переводчиков с греческого, введивших в духовный оборот страны, наряду с Писанием и святоотеческими творениями, исторические и мирские книги. При завоевателях рукописи были почти полностью уничтожены, храмостроительство прекратилось, грамотность исчезла...

На всё это, однако, у евразийцев заранее заготовлен негодующий ответ: все наши рассуждения — европоцентризм; нельзя, ненаучно говорить о превосходстве какой-либо культуры над культурой иной!

В этих рассуждениях как раз и кроется методологический софизм. Действительно, абстрактная историософия не вкладывает в понятие культуры гуманитарного или нравственного смысла. При отвлечённом подходе культура, допустим, масляной живописи не выше и не ниже культуры ритуальных жертвоприношений: критериев сравнения нет. Но речь ведь идёт не об абстрактном сравнении древнерусской культуры с кочевой: «выбор» был предложен не историософскому кружку, а уже имевшему зрелые культурные позиции и приоритеты народу.

Эти несложные соображения справедливы и в наши дни. Вульгаризованные шпенглеризмы о равноправии культур педалируются в евразийских статьях с какой-то странной навязчивостью. Зачем, кажется? Для понимания этих простых истин излишне, вроде бы, повторять их десятки раз на одну статью. Понять их нетрудно; а вот принять как исторический и политический рецепт, как руководство к действию — это совсем другой вопрос. «Путь на Восток» лишит нас даже развития чрезвычайно высокой сегодня, по масштабам «общей Евразии», технологической культуры: «конвергировать»-то нам предстоит не с блестяще осво-

²⁷ Малащенко И. На полпути к Европе // Независимая газета. 1991. 21 ноября.

ившим её Дальним Востоком. Что уж говорить о перспективах духовной культуры, неизбежную убыль которой рационально измерить нельзя.

Сегодняшняя Россия — страна с европейским самосознанием. И «западноцентризм», которыми нас пугают, здесь ни при чём: мы таковы, это не хорошо и не плохо. Главное и лучшее достояние Европы — свобода — россиянами усвоено сполна. И бессмысленно доказывать им, что можно жить и без свободы. Вообще говоря, можно. России — уже нельзя.

Опасность неоевразийства, впрочем, в том часто и состоит, что оно ничего прямо не доказывает. За обволакивающе-правильными словами о сближении-слиянии с евразийскими народами тщательно прячутся простые основные вопросы. Чем нам неизбежно придётся пожертвовать в интересах «сближения», даже в самом мягком его варианте? И что мы получим взамен? Об убедительных ответах на эти вопросы лидеров исламской России мы уже писали выше.

Сегодняшними исследователями опасность неоевразийства недооценивается, угрозу историческому развитию России они традиционно видят в фундаменталистском православии и агрессивных формах русского национализма. «Не следует переоценивать влияния реставрированного евразийства. Сравнительно с «обыкновенным» великорусским шовинизмом, утверждающимся на православно-славянофильской основе, евразийство найдёт лишь ограниченный успех среди большинства населения, и его влияние ограничится главным образом некоторыми интеллектуальными кругами»,²⁸ — пишет, например, Ассен Игнатов. С такой оценкой солидарны и другие серьёзные исследователи. Так, в вышедшей в конце 2003 года книге А.Верховского «Русские православные националисты» тщательно рассматривается деятельность различных, в том числе и не оказывающих заметного влияния на российскую жизнь, деятелей и групп. Детальных исследований неоевразийства, хотя бы на уровне больших статей, довольно мало (одно из исключений — статья Леонида Люкса²⁹). Между тем согласиться с такими оценками реставрированного евразийства трудно по нескольким причинам.

Первое. В современной европейской стране, а Россия безусловно таковой является, ни конфессиональная, ни чисто националистическая идея не может получить главенствующего значения — именно в силу европейского характера устоев этой страны. Власти могут заигрывать с подобными идеями, но при этом никогда не позволят им подняться выше определённого порога. И красноречивые примеры этого мы уже имеем.

Так, например, в 2000 году была создана политическая партия Всегражданский христианский союз (ВХС), она заявила себя как проправительственная и пропрезидентская. Идея создания такой партии получила благословение Патриарха. Широким было и участие чиновников из правительства и из администрации Президента, однако крупные имена «задействованы» не были, и складывалось впечатление, что государство осторожно присматривается к начинанию. На-

²⁸ Игнатов А. Там же. С. 63.

²⁹ Люкс Л. Третий путь, или назад в Третий Рейх? // Вопросы философии. 2000. № 5.

конец на 5-6 июля был назначен учредительный съезд ВХС в Кремле, и пресса уверенно сообщила о торжестве в России «консервативно-церковно-державного» начала. Закончилось же дело демонстративным скандалом: собравшихся у ворот Кутафьей башни «партийцев», в том числе и высокопоставленных, попросту не пустили в Кремль.

Эта история, как и множество других фактов, свидетельствует об очевидном нежелании российских верхов менять сложившийся баланс сил во власти за счёт усиления религиозно-национальной составляющей. Необычный случай широко освещался в текущей прессе (его подробное изложение и анализ см.³⁰). Однако из суммирующих аналитических рассуждений о православно-националистической угрозе такие факты, как правило, выпадают — их как бы и вовсе нет.

Крайние религиозные либо националистические течения могут определить жизнь европейской (или хотя бы европеизированной) страны лишь в результате революции, как это было в Германии и в Иране. Но в России вопрос о революции на повестке дня не стоит.

Второе. Всё сказанное можно отнести и к «фундаменталистскому» евразийству. Именно его Ассен Игнатов имеет ввиду, и он прав: экзотические интеллектуальные построения, которые он анализирует в своей статье, не могут, разумеется, вызвать интерес большинства населения. Но идеологическое евразийство — не христианство и не патриотизм. Для того чтобы сделать его опасным, его нет нужды доводить до экзотического абсурда и извращать: оно опасно и в «нормальном», «умеренном» виде (мы уже писали об этом выше). «Умеренное» же евразийство уже сегодня внедрено повсюду. И в академический мир. И во властные структуры. И в образование: «евразийский путь» не только служит темой диссертаций в различных университетах страны, он уже изучается и студентами. Последнее вполне способно, при дальнейшем развитии, сделать евразийство определяющей идеологией страны. И для этого вовсе не обязательно, чтобы большинство людей усвоили (действительно, немассовую, «ненародную») евразийскую терминологию.

Третье. И религиозные фундаменталисты, и твердолобые националисты склонны к самоизоляции. И это — ещё одно обстоятельство, сильно ограничивающее их влияние и рост. В частности, фундаменталистские и националистические группы, как правило, негативно относятся и к евразийству. Евразийство же, напротив, к изоляционизму отнюдь не склонно. Оно, как мы уже писали выше, охотно впитывает в себя «православие»-православизм. И делает оно это весьма умело (эkleктизм и религиозная безграмотность евразийских авторов помехой успеху, разумеется, не являются).

Чем же в действительности грозит России евразийство? При ответе на этот вопрос мы вынуждены обратиться ещё к одному, вовсе не академическому, источнику — к творчеству А. Дугина. В теоретическом анализе оно, разумеется, не ну-

³⁰ Сендеров В. «Европейская правая» в сегодняшней России? // Посев. 2000. № 8.

ждается, однако при оценке различных влияний на развитие событий в стране его сбросить со счёта нельзя. Немало трудов, интеллектуальный уровень которых не выше дугинских, повлияли в минувшем веке на судьбы народов и стран.

«Если Россия немедленно не начнет воссоздавать Большое Пространство... она ввергнет в катастрофу и саму себя, и все народы, проживающие на 'Мировом острове'... Даже сам факт колебания в вопросе незамедлительного 'собираания Империи' является уже достаточным вызовом, достаточным основанием для того, чтобы альтернативные геополитические Большие Пространства двинулись в русские пределы... Именно национализм народнического, этнического, этико-религиозного типа... должен быть приоритетным в данной ситуации. Следует внушить всем русским основную идею, что личная самоидентификация каждого отдельного человека есть второстепенная, производная величина от самоидентификации национальной. Русские должны осознать, что в первую очередь они являются православными, во вторую — русскими и лишь в третью — людьми. Отсюда и иерархия приоритетов как в личной, так и в общественной жизни. Выше всего — православное самосознание нации как Церкви, затем — ясное понимание неделимости, целостности, тотальности и единства русского этнического организма... и лишь потом, в последнюю очередь, переживание конкретной личности как атомарной единицы... Факт принадлежности к русской нации должен переживаться как избранничество, как невероятная бытийная роскошь, как высшее антропологическое достоинство»³¹.

Оснований опасаться нацизации России по Дугину сегодня нет. Но когда подобные идеи влияют на общественное мнение и на принятие государственных решений, когда они считаются респектабельными — это уже очевидный признак неблагополучия положения и дел. Автор многих подобных вышеприведенному текстов — лидер пропрезидентской партии «Евразия», председатель Комитета по геополитике Государственной Думы, политический обозреватель крупнейшей либеральной газеты «Известия»...

Развиваться «по Дугину» Россия не будет. Но «крайние» нередко работают в истории на более «средний» (однако ведущий в желаемом ими направлении) путь. Совместные — от Дугина до «умеренных» — усилия евразийцев могут толкнуть Россию на такой путь. «Перевод стрелок» может осуществиться тихо и незаметно, и невозможно прогнозировать, каких вершин «слияния» (и с окружающей нас «Евразией», и — прежде всего — с нашей собственной «внутренней Степью»³²) нам удастся достичь. При этом самым опасным в процессе будет именно его незаметность. И необратимость «достижений». Чем мы отличаемся, скажем, от Казахстана — страны с преобладавшим до недавнего времени русским населением, принявшей, на формальном уровне, демократические правила игры? Ровно одним: европейским самоощущением. Оно-то и делает для нас эти правила не только формальными и не только игрой — а прежде всего неотдели-

³¹ Дугин А. Основы геополитики. М.: Арктогея-центр, 2000. С. 172, 255.

³² Термин С. Соловьева.

мой компонентой сущностного понятия свободы. И если поставить вопрос так, то становится ясным, что с нами произойдёт, если мы откажемся от этого самоощущения в пользу евразийщины.

Но кроме варианта казахстанизации, есть и ещё один вариант развития событий. Он самый вероятный: мы вообще никуда не пойдём. Запуганные евразийцами, не пойдём на Запад. Повинуясь всё же здравой интуиции, не пойдём на Восток. И останемся неподвижны: в сегодняшней усталой России отговорить людей от действия много проще, чем побудить к нему. И игры в «Евразию» окажутся, таким образом, «по нулям». Но всё-таки не совсем: итогом их станет автаркия, застой. И если прочие опасности неоевразийства ещё проблематичны, то его решающий вклад в апологетику застоя, духовной, хозяйственной и политической стагнации давно уже сделался актуальной реальностью сегодняшнего дня. Реальность скорректировала мировоззрение евразийцев не только в направлении «торжества православизма» (об этом мы уже писали в начале статьи). Скорректировано и другое: полное отрицание евразийцами-эмигрантами имперского периода развития России не могло не смениться у их сегодняшних последователей положительной оценкой «избранных» участков и глав послепетровской истории. Ибо, рассчитывая на реальное политическое влияние своих исторических предпочтений, невозможно ограничивать их допетровскими временами. И здесь евразийско-антиевропейский, антиреформистский выбор пал, как легко догадаться, на последние два царствования — как раз и подготовившие гибель исторической России. При этом, как это на первый взгляд ни странно, прямого отрицания либерально-реформистских царствований Екатерины II, Александра I, Александра II у неоевразийцев нет. Дело обстоит более сложно: апологетика «самых русских» царей, Александра III и Николая II, выступает в роли любви к имперскому прошлому России в целом. Может быть, такая акцентировка не понята на логическом уровне и самими неоевразийцами, но она — наиболее действенная часть их пропаганды. Это вам уже не приглашение в улус: «давайте жить как при Александре III» — это звучит соблазнительно, подкупающе.

Но как при Александре III не получится: тогда Россия была ещё мощнейшей европейской державой. Застой, албанизация, превращение в страну третьего сорта ждут нас при выборе любой из евразийских дорог. И это уже катастрофа, даже если ничего более страшного и не произойдёт.